

ИРА
МОЛЧАНОВА

незараженные
БЕССМЕРТИЕМ

16+

Ирина Сергеевна Молчанова

Незараженные бессмертием

«Автор»

2017

Молчанова И.

Незараженные бессмертием / И. Молчанова — «Автор», 2017

ISBN 978-5-532-09997-5

В глазах бессмертного мелькали попеременно насмешка и гнев. Перед ним сидел индивидуум, полагавший, что достиг вершины человеческого бытия. Своими деньгами охотник за бессмертием гордился, словно спас полмира от смерти. На деле он трусил перед неизбежным. Глядя на скукожившегося от страха за собственную жизнь старика, бессмертный подумал о том, что не хочет быть вечным на земле. Он только сейчас понял, что не сможет предложить такую жалкую участь любимой женщине. Теперь он знал, что займется извлечением из своего генома лишних фрагментов. Он хотел быть человеком. Ведь это так не просто. Ему ещё придется учиться.

ISBN 978-5-532-09997-5

© Молчанова И., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	30
Глава 12	34
Глава 13	35
Глава 14	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ирина Сергеевна Молчанова

Незараженные бессмертием

Предисловие

Человеку приходится задумываться о том, что его ждет после окончания жизни. Бессмертие души дает надежду. Ученые бьются над поиском эликсира бессмертия тела. Эта тема и легла в основу романа. Достижимость бессмертия физического все ещё пребывает в области нереального. Но кто знает, когда люди получат в распоряжение опасный механизм влияния на клетки.

Роман покажет человека, получившего этот механизм и то, как он им распорядился, зависело только от любви.

Создание романа не удалось втиснуть в строгие рамки изначального плана. Не один год был затрачен на написание фэнтези, ставшее пилотным для меня, как автора. Удивительным образом находились материалы в глобальной сети, информировавшие о научных открытиях в области генетики и биоинженерии. Словно кто-то давал мне нужные знания.

Был период, когда рукопись была отложена из-за потери вдохновения. Благодаря маме, уверенной в силах своей дочери роман был дописан до конца.

Отдельная благодарность моему дедушке Николаю Кузьмичу Игнатову, научившему меня писать. Его давно нет в этом мире. Он там, куда уходят по-настоящему бессмертные.

Часть 1

Глава 1

У них сложились особые отношения. Ей нравилось, как он выглядит. Его запах успокаивал. Он обдавал чистотой без примеси, и ей хотелось от этого заснуть. В его присутствии: она ему доверяла больше других. Его застывшая на короткий промежуток жизнь походила на вечность. Она и рассвет определенно подходили друг другу.

Девушка подошла к окну, вдыхая воздух, освобожденный от следов уходящей ночи. Это было её время для сна. Она предвкушала удовольствие, которое сулил рассвет. И это была желанная передышка в графике, перегруженном заказами. Работой она нагружалась с удивительным азартом, чтобы обеспечить непрерывный доход. Не теряя времени, она отправилась в постель.

После пробуждения, в компании ароматного кофе она расположилась на застекленной лоджии в удобном плетеном кресле. Стоявший на подоконнике ноутбук приветствовал грустную хозяйку звуком, загружаемой операционной системы. От одного вида экрана девушка стала ещё мрачнее: администрирование сайтов занимало большую часть времени. Работа благодарила приличными суммами на банковском счету и не загоняла во временные рамки, но усталость копилась с геометрической прогрессией и нередко Ира ловила себя на мысли, что утратила радость жизни. Все чаще она стала задумываться о том, что находится за пределами бытия. Неизвестность пугала. Но тише, чем раньше. Подозреваемый в существовании потусторонний мир притягивал. Очаровывал. На эту тему Ире хотелось поразмышлять в чьей-нибудь компании, но желающих было катастрофически мало. Устремившись взглядом в сторону полуценного города, она вспомнила беседы с учителем философии. Преподаватель, отмеченный солидным возрастом, не без энтузиазма вникал в высказывания девушки, чей жизненный опыт значительно уступал тому, что прожил он. В основу многих статей, изданных Пшеллинским, легли мысли его учеников. Доцент кафедры философии полагал, что молодость несколько не лишена глубокомысленных выводов. С Филиппом Бориславовичем можно было часами разговаривать на вечные темы жизни и смерти. Вот и сейчас Ире захотелось поделиться грустным настроением с тем, кому оно не чуждо. И она решила провести одинокого старика, нашедшего пристанище в казенном доме. Хлесткая пощечина была отпущена какой-то ответственной силой мужчине, проигнорировавшему закон жизни о создании семьи.

Ира застала учителя в палате, на некоторое время ставшей персональной по причине ухода пациента.

– Учись на моих ошибках, деточка, – найдя в себе силы, Филипп Бориславович подошел к гостю, – не карай себя самодостаточностью. Спасибо, что пришла. Я всегда радуюсь твоим визитам.

– Спасибо, Филипп. Согласна с вами, что одиночество не самое лучшее, что человек может приобрести в своей жизни, но что делать, если нет того, с кем можно прогнать его прочь? – парировала Ира его совет.

– Тогда живи в собственное удовольствие. Все равно ничего не выйдет толкового из союза, где нет чувств. Но рано или поздно настанет момент, когда присутствие близкого человека будет нелишним. Ты готова самостоятельно держать удары судьбы?

– Хорошо, если рядом окажется тот, кто поддержит, а не поставит подножку на скользкой дорожке, – чувствовалось, что Ира близко соприкоснулась с нелицеприятными проявлениями мужской персоны.

– Ты разучилась доверять людям, – Филипп с сожалением констатировал сей факт.
– В большинстве своем мужчинам, – уточнила Ира.
– А есть основания для столь мощного впечатления? – поинтересовался пожилой человек.

– Особых поводов нет, но мелкие ситуации, наслоившись друг на друга, создали ощущение некоей систематичности. А может мне просто лень пытаться узнать, что есть другие модели поведения мужчин, – пояснила девушка.

– Разочарование не должно укореняться, иначе оно станет преградой к личному счастью. Жизнь многообразна и потому пара схожих ситуаций не может означать закономерность, – Филиппу хотелось вернуть собеседнице уверенность, что отношения с мужчиной могут быть радостными и приятными.

Ира, казалось, слушала вполуха защитную речь старика относительно мужчин. Он был прав, она это знала, но данная тема все больше теряла свою актуальность. Для неё.

Видя утрату интереса на лице девушки, старик понял, что его нотации о важности семейной жизни наталкиваются на стену безразличия. Ему не хотелось отталкивать человека, радовавшего его визитами и беседами. Не хотелось наступать на большую мозоль и пытаться залезть в душу. И тогда он решил перевести тему разговора.

– Помнится мне, что ты любишь строить догадки, что там нас ждет после смерти, – Филиппу обсуждение этой темы давалось легко, хоть он уверенно и приближался к её разгадке. И он попал в десятку, подбирая новый объект дискуссии.

– Вы все также проницательны, – Ира улыбнулась той легкости, с которой Пшелинский угадывал чужие мысли. – Мне кажется Филипп Бориславович, что наш мир своеобразная биологическая онлайн игра, в которой мы проходим испытание, а по завершении задачи, с которой вступили в игру, выходим из программы. Вечна ли наша жизнь там? Может наш кодовый образ запускается из одной программы в другую, тем самым обеспечивая нам непрерывное существование.

– В том, что мы часть большой игры, нет сомнений, девочка, – засмеялся Филипп Бориславович: – Эта игра может быть намного скромнее, чем истинная реальность за её границами. А может так случиться, что именно здесь человек получил в свое распоряжение технические достижения и прочие блага, которые и наталкивают тебя на данную интерпретацию загробного мира.

– Там. За гранью нашего мира. Какой век развития цивилизации может быть? Неужели души, ушедшие отсюда, погружаются во времена, когда чтение было уделом избранных?

– Там вряд ли существует время и потому все вехи человеческой истории могут находиться вперемешку. Кто в каком периоде жил, тому тот и ближе. Диссонанс слишком выражен, – пожилой учитель ненадолго запнулся, и продолжил: – В связи с этим, пространство того мира может быть многослойным. Каждый из слоев отвечает за конкретный временной период. И при всем этом существуют они одновременно.

– В этом есть рациональное зерно, – Ира была восхищена учителем, способным давать четкие ответы на глубокие вопросы: – Меня волнуют и другие вопросы, связанные с вероятным миром после земного пребывания: какие мы там внешне; сохраняются ли там наши привязанности и чувства, которые были здесь; есть ли там животные, птицы, природа?

– Животные и природа могут быть там, ведь они практически идеальны и могли быть здесь созданы исходя из того, что есть там. А может они новшество для того мира, и сначала проходят этап развития здесь. А вот наш внешний облик там может быть точной копией того, какие мы здесь, а может совершенно иной. Не исключено, что безликий, – он и сам нередко думал о том, как выглядит мир, о котором живые только строят догадки.

– На этот счет у меня несколько версий. Возможно, мы отчасти схожи на наши земные образы и потому неслучайны наши рождения теми, кем мы здесь стали. Может быть и так,

что душа изначально не имеет индивидуальности, пока не родится на земле и не приобретет свойственные образу черты. Но, внешность не самое важное в данном вопросе, – Ира заметно погрузтелась.

– Ты права. Я понимаю, о чем именно ты волнуешься. Утраты отдаются болью в сердце. Я и сам имел домашних питомцев. Мой старый полосатый кот и маленькая болонка провели со мной много лет. Каждый из них был личностью. Капризы. Радости. Болезни. Жизнь с ними становится полнее, – Филипп нежно любил своих питомцев и понимал, насколько они близки человеку и как без них одиноко, когда те уходят.

– Они должны быть с нами в вечности, – в глазах девушки блеснули не слезы, там поселилась надежда.

– Я в ближайшее время это узнаю, – заключил учитель.

Он был стар и морально готов к смерти. Это был редкий пожилой человек, не пытавшийся ухватиться за жизнь.

– Вам не страшно? – не без интереса спросила девушка у пожилого собеседника.

– Нет, моя дорогая девочка, я прожил хорошую жизнь и благодарен за отпущенный срок, – в складках глубоких морщин заиграла непонятно откуда появившаяся радость.

– Никому не избежать встречи с тем, о чем мы не знаем, пребывая здесь. Но чувство страха не становится меньше. Правда не у всех, – заключила Ира, сохраняя на лице спокойствие.

– Все люди живут в страхе. Кто-то находит способ сделать его менее выраженным, а кто-то сам себя изводит тревогой, – Филипп видел страдания сестры, диагноз которой долгое время не был определен. Обсессивно-компульсивное расстройство. Эва ни дня не могла прожить без изнуряющих ритуалов, ставших единственным средством борьбы со множеством страхов, кипевших внутри неё. Филипп с отрочества видел страшные истерики Эвы, вызванные сбитым ритуалом или же бессилием, когда привычное действие уже не давало желаемого успокоения и требовалось отыскать новое, которое вернет спокойствие бедняжке на полчаса, изредка на целый день.

– Наш страх обратно пропорционален чувству веры. Современный человек утратил веру в Бога, которая позволяла сносить тяготы и смотреть в глаза неизвестности пускай и с ропотом, но со смирением, – Ира прервала воспоминания учителя.

– Но разве нельзя вернуть себе эту веру? – Филипп не просто так задавался этим вопросом: он и сам не знал, кому и во что верить. Пожилой человек провел внушительную часть своей жизни во времена, когда религия была едва ли не под запретом.

– Утраченная вера может восстановиться. Возникает другой важный момент: человек в какой-то мере отвернулся от Бога, следовательно, смеет ли он надеяться на Его милость? – Иру терзал этот вопрос, ведь она, тяготевши к правильному образу жизни, работав над уничтожением собственных пороков, вступала в спор с рядом религиозных аспектов.

– Дитя, я сомневаюсь, что ты совершила жуткие грехи, – Филипп решил понизить градус чужого напряжения.

– Куда уже страшней грех, когда человек теряет нить с Богом. Обрывает её. Винит Его. Обижается на Него. Взаимоотношения человека и Бога являются наиважнейшими, но мы ставим на первый план другие отношения и другие ценности, – Ира проделала внушительную работу над осознанием своей оторванности от религии и веры.

– Если, а верю, там действительно есть продолжение жизни, каждого ждет индивидуальный подход и Бог, как никто знает, что из себя представляет пришедшая к Нему душа. Что заслужим, то и понесем, откашлявшись, пожилой человек продолжил: – Пока у тебя есть время, отыщи эту нить.

– Я словно скитающаяся душа. Которая не знает, куда и к кому ей идти, – внутри Иры саднила неизвестность.

– Жизнь имеет удивительную красоту, гаснущую со временем, и более никогда не повторяющуюся, – не без грусти ухмыльнулся Филипп, – насладись ею.

– Страшно, что вы живете в казенном доме, – Ира резко сменила тему разговора. Впечатление, производимое обшарпанными стенами дома для престарелых и скукоты, повисшей в воздухе, давало о себе знать. Оно давило. Указывало на то, что все изнашивается.

– У меня был выбор истратить все свои сбережения на путешествия, – Филипп действительно мог избавить себя от прозябания в казенном доме.

– Не решились? – удивилась Ира.

– Потратил все, – старик весело рассмеялся: – Только не спрашивай на что именно.

– Благотворительность? – предположила Ира, зная, что учитель носил в груди сострада-тельное сердце.

– Наверное, я плохой человек, нет. Я купил старинные книги на аукционе для кафедры философии. Не мог я позволить умереть дисциплине, теряющей свою значимость. Пускай ещё подергается в конвульсиях, – дело всей его жизни приближалось к своему закату, и он воспри-нимал сей факт с болью.

– О, Филипп вы думаете, что в наше время никого не интересует свободный полет мысли с анализом и рефлексиями? – Ира представить не могла, что среди современников нет желающих отправиться по лабиринтам размышлений.

– Только тех, кто намеренно решил обойти дорогостоящую кафедру, или, напротив, по причине отсутствия денег на таковую. Увы, детка, но ты часто встречаешь мыслителей? Или хотя бы тех, кто любит по вечерам немного подержать в руках книгу? – Филипп признавал очевидное не без боли.

– Книга покидает бытность человека, как будто пережиток прошлого, – с учителем Ира не могла не согласиться.

– Прошу извинить, но время посещений подходит к концу, – прервала беседу медсестра, ставшая в проеме, чтобы помочь посетительнице выйти, словно та не умела передвигаться без посторонней помощи.

– Как страшно мне вас здесь оставлять, – Ира поцеловала Филиппа в щеку и ушла, не оборачиваясь: она всякий раз боялась, что больше не увидит его.

Одиноким старик снова остался один, отпустив ученицу. Ира в тот день заставила его задуматься о ней. Филипп Бориславович отметил присущую девушке уникальную особен-ность. Она будто не выросла. Её юность диссонировала с паспортными данными.

Глава 2

Образ девушки возник внезапно перед мысленным взором Лоэна в тот самый момент, когда он извлекал из маленького чана осадок химической реакции. Он уронил обратно слегка затвердевший кусок зеленого элемента.

«Только не сейчас»: вскрикнул он. Ему нельзя было провалить эксперимент. От исхода опыта зависела его репутация алхимика, к которой он сам лично относился со скепсисом. Требовалось играть роль. Маскироваться. Но присутствовало и желание оправдать возлагаемые на него надежды. Король Венгрии Иосиф I* любезно предоставивший помещение в загородной резиденции ждал вполне конкретного результата от приглашенного из Парижа специалиста. Монарх был человеком, открытым к познанию и не смотря на почитание религиозных догм толерантно относился к бунтарям. Его заинтересовали мистические свойства камня, прошедшего через воздействие температурой и принимавшего в итоге зеленый цвет. Флюорит позволял заглянуть в мир, скрытый от земного. Особо впечатлительным особам удавалось удовлетворить интерес. Что именно могли увидеть в толще минерала пытливые умы, было известно только им самим. За отлитый в виде шара минерал король обещал де Буару приличную сумму денег. Лоэн не нуждался в деньгах, и с легкостью преумножал свои капиталы, но не брать вознаграждение за свои труды не мог: это навело бы на подозрения. Он давно понял, что сможет извлечь нужные ему суммы, и не озадачивался по этому поводу. Алхимия обладала притягательностью для Лоэна. Он желал узнать ответы на многочисленные вопросы, которые разумный человек подготавливает в процессе жизни. Он не смел открыто афишировать занятия, и создал некую ширму в виде выплавки драгоценных металлов и качественных подделок. Хотел ли он наживаться нечестным способом? Лет так двадцать назад он, быть может отчитал бы себя за порочные стремления: сказывалось воспитание, полученное усилиями священника, которого нанял отец Лоэна силясь вытравить из сына тлетворное влияние собственного примера.

Шаги в коридоре отвлекли от размышлений. Фигура Иосифа I представляла собой видного человека. Несмотря на высокое положение, собеседник из него был крайне приятный. Иосиф уважал чужое мнение и прислушивался к тому, с кем беседовал, отменяя в сторону регалии.

– Ваше высочество, отчего вас заинтересовал невидимый мир? – оторвавшись от колб, поинтересовался претендент на звание алхимика.

– Господин де Буар, никто не сможет остаться в этом мире навсегда. Вопреки правилам мне иногда хочется познать большее, отчасти магическое. Сила камня, который вы мне оформили в чудесную форму, способна приоткрыть занавес, – король не стал прятать ответ за своим высоким положением.

– Ваше высочество, вы желаете узнать собственное будущее? – продолжил пытаться монарха алхимик.

– Не скрою, есть соблазн. И я ему поддаюсь. Возможно, больше из интереса, – судя по серьезному выражению лица Иосифа, не сложно было предположить, что он верит либо хочет верить в силу камня, прославившего посредником между временами.

Иосиф взял в руки шар из флюорита. По улыбке монарха Лоэн понял, что выполнил свою задачу. Магический шар из минерала был заказан королем незадолго до судьбоносных событий. Иосифу предстояло пережить в 1707 году низвержение сеймом. Но будущее готовило ему восстановление на престоле в 1711 году.

Избавившись от хлопот, связанных с монархом, Лоэн вернулся к видению, появившемуся во время работы. Она появлялась неожиданно. Непрошено. Всегда в новом облачении. Иногда и без оно, что не могло не произвести впечатление на мужчину, не утратившего влечения к

женской красоте. Неосязаемая особа обладала привлекательностью в избытке. Утонченность тела делала её невероятно нежной. Ему хотелось приблизиться к ней. Не спеша. Чтобы между их обнаженными телами успели прокатиться волны возбуждения. Неспешность обострила бы и без того накаленные страстью нервные окончания. Но это были только мечты. Его персональные. Кто она и где её искать он не знал.

Глава 3

Появившееся свободное время заставило ревнивую поклонницу комфорта и тишины выбраться на улицу. Она надела обтягивающие джинсы, белую блузку, слегка подкрасив ресницы и вдоволь надушившись любимым парфюмом, отправилась в прихожую. Легкие летние туфли дополнили стиль casual. Ира иногда удивлялась, начав зарабатывать больше, она любила простоту и удобство. Она отправилась в летнюю атмосферу тихого города. Ничего не хотелось делать. Не было желания заходить в магазины. Прогулки с целью подышать свежим воздухом не представляли собой ценности, но были обязательными, чтобы не утратить связь с реальностью. А вот возвращение домой становилось непередаваемым счастьем. По коридору, утопающему в светлых тонах каменной облицовки пронесся негромкий телефонный звонок. Ира, как обычно, проигнорировала его зов. Даже с мамой ей больше нравилось переписываться в Viber, чем говорить голосом, а то и вовсе переписываться в Facebook. Лариса с удовольствием использовала современные способы общения. Она была активным пользователем социальной сети и всегда поддерживала связь с дочерью.

Отписавшись о своем настроении и прочих важных для мамы вещах, Ира принялась за работу, попирая право выходного дня на тотальный отдых. Спустя пять часов компьютер был погружен в спящий режим, и она свернулась под легким вязаным одеялом на диване, чтобы немного побродить по закоулкам сновидений.

В этот раз она отчетливо видела образ мужчины, возраст которого приблизился к отметке сорока лет, но без налета обрюзглости и усталости от жизни. Он словно был окаменелым, но живым воплощением долголетия. Он стоял у распахнутого настежь окна и беседовал с ветром.

Выключая надоедливый будильник смартфона, она силилась запомнить увиденное во сне, чтобы воспроизвести его в виде фотоманипуляции. На компьютерную графику, которой она увлекалась, времени оставалось все меньше из-за работы. Взяв карандаш и бумагу, Ира сделала неказистый набросок: рисовать она не умела, но ловко создавала из фотографий картины в жанре фэнтези. Подыскав подходящие исходные изображения в сети, она создала на цифровом полотне фрагмент сна. От него не хотелось отрывать взгляд. Не потому, что собственный труд вызывал одобрение, хотелось приблизиться к нему. К тому, кто так одиноко застыл в ночи, терзаемый ветром, врывавшимся в окно. Рядом с ним хотелось стать рядом. Вглядываться в темноту и думать об одном и том же. От рассматривания графического рисунка ей захотелось написать своему вымышленному герою то, что некому было сказать. Так родилось её первое письмо к нему. Тому, кого скрывало время.

«Тебя не существует. Но я все равно тебе напишу. Ты просто сумел разбудить во мне то, что успело заснуть. Скорее даже угаснуть. Я перестала верить в то, что встречу источник любви. Её причину, которая выдворит из моего сердца самостоятельность. Мою ревностную тягу к одиночеству. Я впервые за несколько лет захотела приблизиться к мужчине. Ненавязчиво. Стоять почти рядом, чтобы чувствовать присутствие друг друга, не нарушая границ. Мне захотелось твоего присутствия. Того самого, которое служит основанием для появления чувства защищенности. Ощущения нужности».

Глава 4

Новый день повторял предыдущий со скрупулезной точностью. Привычный звук загрузившейся системы и аромат первой чашки кофе активировали жажду управиться с частью заданной как можно раньше. Загрузив внушительный объем контента на сайт, она решила истратить полученный тайм-аут. Образ мужчины, на который она бросала взгляд, был вымыслом. Хотелось настоящего. Регистрация на сайте знакомств заняла пару минут. Спустя короткое время последовал звук о полученном сообщении. Она знала, что напишут: Красивая. Симпатичная. Привет. Как дела.

Пересмотрев анкеты тех, кто ей написал и тех, кто был представлен на сайте в её городе, Ира пришла к грустному выводу. Здравый смысл подсказывал, что по фотографии и скудной информации в анкете влюбиться в мужчину маловероятно. Отодвинув на потом разочарование, она решила пообщаться с написавшими ей парнями. Открыв окошко очередного собеседника, она все-таки решила ответить. Игнорируя комплименты, Ира ответила приветствием.

Собеседник быстро перешел к сути вопроса и написал: «А ты была замужем?». Раздумывая над причиной вопроса, она уже утратила интерес к мужчине, ответив ради приличия: «Нет».

Мужчина продолжил узнавать важные для него детали: «А дети?».

Она понимала, что эта информация имеет значение для мужчины, но она ведь не скрывает её, указав в аккаунте основные данные, ответив не без раздражения: «В анкете же написано, что детей нет».

На этом ищущий супругу в виртуальном мире, не унялся: «Почему?»

На столь дикий и нетактичный вопрос не хотелось отвечать. С чего бы вообще она должна была сообщать незнакомому человеку, почему у неё нет детей. Иру не удивляли подобные вопросы, и с чисто психологической точки зрения она понимала, из-за чего такой интерес у мужчин возникает. Обычно женщина, родившая ребенка, становится психологически зрелой и гибкой, что в свою очередь сказывается на отношениях с мужчиной.

«А ты красивая»: сообщил очередной собеседник.

«Спасибо».

«Не хочешь встретиться?».

«Для начала можем пообщаться здесь, выяснить наиболее важные вопросы друг о друге»: встречаться с кем-то, кто совершенно незнаком и в ком она не успела отыскать хоть малейшую зацепку для развития отношений, Ира не желала.

«Я как на приеме у психолога»: обиделся тридцативосьмилетний мужчина.

Решив убедиться окончательно, что на сайте ей не пересечется с единомышленником, она открыла ещё одно сообщение.

Банальное приветствие и выяснение информации, указанной в анкете относительно штампа в паспорте и количества детей перешло в узнавание сферы деятельности и увлечений. Вадима интересовало место работы собеседницы и должность, которую она занимала. Ответ, что молодая женщина занимается фрилансом пугал малыми заработками, хоть на деле все обстояло с точностью до наоборот и человек, занимавшийся удаленной работой в сфере IT, мог хорошо зарабатывать. В свою очередь Ира поинтересовалась, чем увлекается Вадим в свободное от работы время.

«Если бы ты жила сама, то понимала бы, что нужно кушать готовить и по дому убирать»: Вадим полагал, что бытовые вопросы важнее количества прочтенных книг и размышлений о высоких материях.

«Я и живу сама, и естественно готовлю и дом держу в порядке. Но у меня есть время на увлечение. А как же ты планируешь заниматься воспитанием детей, если они у тебя появятся?»: совмещать быт и саморазвитие не было чем-то из ряда вон выходящим для Иры.

«Такое ощущение, что я с компьютерной программой общаюсь»: нашелся, что ответить обиженный мужчина.

Ире не хотелось продолжать пустой разговор с тем, кто тратит свою жизнь исключительно на работу и банальные хлопоты, связанные с бытом. Скучно. Пресно. Бездарно потраченное время. Обижаться на желающих обзавестись удобной «супругой» Ира перестала: набралась опыта с возрастом. Вот только потребность в создании семьи никак не возникала у неё в голове. Ей было жутко от одной мысли, что нужно будет отказаться от работы, увлечений и полностью отдать себя во власть быта и заботы о мужчине. Безусловно, взаимная забота в тандеме предполагалась, но она не должна была превращать женщину в элемент бытовой техники.

Фотография Антона, написавшего ей, была достаточно привлекательной. В своем сообщении парень не блистал оригинальностью: «Ты красивая, почему же ты одна?».

«Ты полагаешь, что внешность девушки может её обязать создать семью?»: отсутствие причинно-следственной связи в умозаключении собеседника характеризовало его с позиции примитивного парня.

«Разве с тобой никто не хочет быть?»: Антон был уверен, что красивая девушка не может остаться одна и быстро выйдет замуж, чтобы родить детей и посвятить себя любимому мужчине.

«Хотеть могут. А мое мнение в данном вопросе не учитывается?»: Ире было смешно, что в 21 веке женщину по-прежнему воспринимали безмолвным созданием для воспроизводства потомства.

«Все женщины хотят замуж и рожать детей»: Антон не мог себе представить, для чего ещё создана женщина.

Стереотипность мышления симпатичного парня не поражала. Он вырос в маленьком городке, где все ещё избегали влияния цивилизации умы людей, гордившихся собственной простотой. Вести беседу с человеком, не способным проводить закономерные и логические связи, было напрасной тратой времени.

Посидев на сайте пару часов, Ира в очередной раз убедилась, что не созрела до осознания наличия мужчины в своей жизни. Удалив анкету, она не считала, что спешит и не дает себе самой шанса на встречу потенциального любимого. Она знала, кого хочет встретить. Требований к избраннику не было много. Оно было одно: внутреннее ощущение, что это он. Таких она ещё не встречала.

«Ложь»: в голове взорвалась память. Ира стремилась отойти от сожалений, что не смогла грамотно повести себя в общении с мужчиной, чья личность её серьезно впечатлила. Работа на промышленном предприятии спровоцировала знакомство с мужчиной, оставившим приятный след. Поверхностный. Совершенно лишенный подробностей романтической интриги. Та попросту не состоялась. Она не поняла намека. Он не стал настаивать. Но именно его личность стала своеобразным мерилom мужского шарма. Подобного качества Ира не смогла отыскать в последующих претендентах на знакомство. Они оказывались простыми. Колючими. Не умели ценить женскую натуру, и всего лишь жадно урывали себе кусочки мимолетного удовлетворения. Секс с такими субъектами оставлял дурное послевкусие. Такое, что после одного романа, Ира поставила точку в личной жизни. Никаких мужчин. Никакого флирта. Одиночество и капитальная загруженность по работе. Календарь отсчитывал время. Прошло четыре года, которые она по большей мере провела в квартире, покидая её исключительно по уважительному поводу. Периодически листая фотографии, она ловила себя на ощущении страха, что повзрослела. Не хотелось выглядеть старше образа, который за ней закрепился на длительное время.

Глава 5

Спина. Узкая. С плавными переходами к бедрам. Как скрипка. Ему хотелось провести пальцем по позвоночнику, переложить со спины густые пряди каштановых волос. Как ему хотелось коснуться её. Слегка. Чтобы она не заметила. Возбуждение становилось слишком сильным. Он устал. Хотелось сдаться, но он как будто дал обет воздержания. Ей. Хрупкой. Без имени. Без адреса. Где она?

Лоэн подошел к распахнутому окну, открывавшему вечерний пейзаж. Волны накатывали на берег. Воздух обогащался прохладой. По коже ползли мурашки. На столе играли кончики страниц увесистой книги.

«Завтра начну искать тебя, чертовую формулу»: подумал Лоэн. Он знал, какие вещества в тот день перемешались в котелке. Но он все ещё не мог поверить, что не простая химия изгнала из его тела смертность. Укол пальца о посох бродяги запустил в его организме механизм пустоты. Остановки биологического движения частиц. Он больше не менялся. Ему было тогда 44 года. Он записал год, который отыскал в закоулках памяти, осознав, что не способен покинуть мир, успевший его утомить. Мысленно он вернулся в тот день, когда случилось его сближение с бессмертием.

«Пыль, взбиваемая копытами лошадей, оседала на коже, создавая неприятное покрытие. Ему хотелось пить. Хотелось окунуться в реку, чтобы понизить градус температуры тела, изнывающего от жары. Лето выдалось чрезмерно засушливым. Это ощущалось повсюду, где Лоэн проезжал. Поиски лавандового масла заставили глубже нырнуть в жизнь простолюдинов. Он задумался тогда о своей счастливой судьбе. Дорога вернула его внимание к ней. Иногда дороги походили на ревнивых женщин. И также мстили. Лоэн буквально налетел на старика, едва передвигавшегося. Тот опирался на посох. При столкновении палка старика упала, и Лоэн поспешил её схватить, ободрав ладонь об неотесанное дерево. Старик ничего не сказал. Его бесцветные глаза сузились. Но не от обиды. Он оперся на подданную молодым мужчиной палку и продолжил путь. Лоэн с облегчением свернул, завидев деревушку. Выслушав стенания крестьянки о неурожайном году, он смог выкупить втридорога заветное масло. В тот день он дорого заплатил за ингредиент для кремов, которые изготавливал для придворных дам. Он был одним из редких мастеров, кто решил создавать средство, способное беречь красоту женской кожи. Он бросил вызов старости. Та его услышала. Она парировала ему. Но понял он это спустя 10 лет. А пришел в ужас ещё позже».

Прокручивая в памяти тот день, он силился понять, что произошло, что изменило его изнутри и заставило бродить по свету, не встречаясь со смертью. В мельчайших деталях он помнил встречу со стариком. Сомнений не оставалось, что именно незначительное повреждение кожных покровов посохом и заразило его бессмертием. Болезнь частенько лишает человека жизни. Его недуг оказался изобретательным.

Ветер из окна не щадил собеседника. Безмолвного. И благодарного. Ветер утолял бушующее пламя внутри обычного на первый взгляд тела мужчины. Лоэну так не хватало той, с кем он мог бы разделить неизмеримое богатство опыта, знаний, денег, в конце концов. Видение, мелькающее перед его глазами, давало надежду. И в тоже время он опасался, что не сумеет её отыскать. Времени у него было валом. А вот она была смертная. И он мог не успеть. Он просто не мог представить, что их разделяет намного больше, чем пара сотен лет: она ещё не родилась.

Лоэну хватило пару раз увидеть галлюцинацию, чтобы сделать её ориентиром движения. Это была манипуляция сознания придать хоть какой-то смысл странствию по миру своего обладателя.

Глава 6

Филипп вспоминал Эву часто. Он решил узнать мнение навещавшей его ученицы о состояниях, скосивших здоровье сестры. С визитом Ира подросла к вновь нахлынувшим размышлениям. Пшелинский жестом предложил гостю расположиться в стареньком, но опрятном кресле, стоявшем возле торшера, давно вышедшего из моды. Эти предметы интерьера были перемещены в палату из квартиры старика. Когда Ира расположилась в кресле, Филипп Бориславович начал беседу.

– Мне хотелось бы узнать твое мнение, Ира, о состоянии страха. Того страха, который становится частью повседневности, – Филипп хотел услышать чужое мнение: собственное было ужасно замусолено.

– Попробую поумничать, – она улыбнулась. – Страх бывает нескольких видов: реалистичный, иррациональный и половинчатый, как я его называю.

– А точнее? – серьезность на лице Филиппа не устранилась.

– Относительно реальный и имеющий вероятность несбыточности. К примеру, человек может опасаться заболевания, которое может поразить организм, а может, и обойти стороной. Такой страх также обрастает иррациональностью и создает предпосылки для выстраивания системы защиты, то есть ритуалов, – Ира сосредоточилась на теме, которая была важна для старика.

– Именно так. Эва панически боялась, что может стать жертвой онкозаболевания. Она изводила себя. Вопреки досужему мнению, что мысль материальна, она так и не заболела раком, но сердце подкосило, – Филипп с горестью покачал головой.

– Ослабленная нервная система также могла дать брешь в иммунной системе и дать основу для развития патологических клеток. Но слабым местом в организме вашей сестры, Филипп была сердечно-сосудистая система, – Ира была осведомлена, чем болела сестра её учителя.

– Что я только не делал, но страх гипертрофировался из года в год, – Филипп отчасти винил себя в страданиях сестры.

– С такой фобией разумно было бы бороться через рацию. Если бы Эва разобралась в процессе онкогенеза, то может быть ослабила уровень страха и поняла бы, насколько бессмысленны ритуалы. Насколько я помню, то истощало её сильнее всего выполнение ритуалов?

– Ритуалы стали важной частью её времяпровождения. Она видела в них источник защиты, спокойствия, в тоже время они усиливали тревогу и отнимали много времени. Каждый раз ритуалы усложнялись новыми идеями. Эва могла сбиться при выполнении ритуала и начать его выполнять заново. Могла переделывать один и тот же ритуал, если чувствовала, что на каком-то этапе его выполнения сбилась. Ты думаешь, что она могла бы услышать рациональное пояснение абсурдности подобных действий? – Филипп вспоминал детально страдания сестры, ушедшей в мир вечного покоя.

– Могла, если бы стала критически относиться к тому, что делала и осознала бы бессмысленность ритуалов, – предположила Ира несколько жестко, но она и сама знала, что такое чувство тревоги. Разве что её ощущения не обладали таким чудовищным давлением на психику: – В борьбе со страхом, который закрепился в голове, важно не идти на поводу желания ритуальничать. Либо обновлять ритуалы так, чтобы те не закрепились и, соответственно, не усугубился страх. Последовательность действий вводит человека в состояние отдаленно схожее с гипнозом.

– Пограничное состояние, – подсказал Филипп.

– Совершенно верно. В этом состоянии бессознательное берет бразды правления над психикой, – продолжила Ира.

– Твои размышления полны точности. К сожалению, применить их в действии больному человеку не так просто, – Филипп был поражен советами девушки, и в тоже время огорчен, что такой подход не избрали лечащие врачи Эвы.

– Страх нужно бороться, – Ира настаивала, словно сама прошла через то, что мучило Эву.

– Девочка моя, мир человека, поддавшегося тотальному воздействию страха, точнее фобии, отличается от мира людей, нашедших в себе силы разложить по полочкам свои сомнения, – Филипп снова становился на защиту своей сестры. Он тяжело воспринимал реакцию окружающих на странности молодой женщины, не сумевшей пожить в полной мере. Ему удалось не озлобиться на тех, кому было чуждо состояние Эвы и от того мужчине приходилось метаться от одной стороны ко второй. Позиция сестры была абсурдной и изматывающей, в то время, как оппоненты предоставляли куда более приятные призмы воззрения на окружающий мир и жизнь в целом. Он добровольно отдал себя полубредовой реальности. Потому, что в ней была она. Измотанная болезнью красивая женщина. Родная. Уникальная. Пускай даже с довеском неразрешимых проблем. И тут нашлась девочка. Иначе, чем девочкой Филипп Иру не воспринимал, и стала давать такие грамотные советы. Как жаль, что она не успела появиться раньше, когда Эва была жива.

– Мир каждого человека уникален, потому как все мы видим одно и то же под разными углами. Нет одного уникального рецепта в устранении проблемы. К примеру, в лечении заболевания, которое поразило нескольких людей, для каждого пациента врач подбирает индивидуальную схему. Кто знает, может мой совет оказался бы абсолютно напрасным для Эвы. А вот кому-то другому и помог бы, – усомнилась Ира в значимости своего рецепта борьбы со страхами.

– Она не была склонна к рациональному подходу, – вздохнул Филипп.

– Тогда не помог бы, – Ира посмотрела на Филиппа взглядом полным понимания и сочувствия. На губах слегка растянулась улыбка, лишённая веселости и иронии. Она понимала чужую боль. Филиппу стало приятно, что его страдания не наткнулись на стену безразличия. Он не стал продолжать дальше пытаться девушку, приходившую проводить его и разгонять тоску, повисшую в больничной палате. Ира ушла. Филипп снова обратился к образу сестры. Он знал, почему воспоминания о покойных родственниках участились. Время неумолимо отсчитывало свой ход. Для него.

Глава 7

Горячая вода обнимала кожу, и Ира впитывала наслаждение. Только воде было позволено касаться её обнаженного тела. Полчаса пребывания в горячей воде расслабили. Кожа стала ещё мягче, и острее передавался импульс по нервным окончаниям, спровоцированный струями душа. Завернувшись в шелковую простыню, махровые полотенца были слишком грубыми для её кожи, она дала ткани впитать влагу. Густыми мазками крем ложился на кожу. Завершением приятнейшего ритуала стали духи. Пискнувший смартфон привлек внимание девушки, наслаждавшейся временем личного СПА. В социальной сети пришло сообщение от Евгении. Она просила встретиться. Написав ответное сообщение, Ира не без сожаления оделась и накрасила ресницы.

Вызвав такси, она отправилась в кафе, где её должна была ждать приятельница. Женя сидела, понурив голову. Когда она посмотрела на Иру, та поняла почему. Кровоподтек на скуле не поддавался тональному крему.

– Это первый раз? – вопрос Ирой был задан тоном, присущим следователю.

– Нет, – помотала головой Женя.

– Зачем терпеть? – и снова в голосе Иры не промелькнула и доля сочувствия.

– Легко ли сейчас найти мужчину? В мои-то годы? – взъелась на прохладную реакцию расстроенная Женя.

– Тебе 37 и что? – удивилась Ира.

– Мужчинам нужны только 25-летние, – ухмыльнулась Женя. Она хотела взять реванш и поддеть собеседницу, которая была моложе её на несколько лет, а значит, также отдалилась от заветной цифры самых востребованных девушек среди мужского внимания.

– Ты уверена, что возраст дает красоту, ум? – спокойный тон Иры действовал на нервы Жени.

– Им не нужны умные, – снова попыталась съязвить Женя.

– Так чего тогда тебе переживать? – парировала Ира.

– В смысле? – партия обменом колкостями Женей обещала быть проигранной.

– Умная не станет терпеть человека, причиняющего ей боль, – пояснила Ира все с тем же завидным спокойствием, словно хотела показать собеседнице, что та получает то, что заслуживает. Такое отношение к пострадавшему человеку не было свойственно ей, и она сама удивилась своей жесткости.

– Я не дура. Я боюсь остаться одна. Как ты, – бросила Женя, обида которой разрасталась с каждой секундой разговора с чрезмерно выдержанной и самоуверенной приятельницей.

– Не битая, не униженная, живу в свое удовольствие. Да, такое не всем дано. Поищи замену своему кавалеру, – отбросила брошенный в её сторону камень Ира.

– Тебе повезло, значит, а вот я не могу так, как ты. Я думала, ты меня утетишь, посоветуешь, что делать, – обида Жени не смогла скрываться за напускной агрессивностью.

– Я не знаю, – неожиданная реакция Иры совсем раззадорила Женю.

– Как утешать не знаешь? – взъелась она.

– А толку? Ты же не захочешь изменить свою жизнь, – продолжала Ира гнуть свою линию.

– На что менять? Я же тетка возрастная, – теперь Женя злилась на саму себя.

– Хм..., – попытка сдержать смешок не удалась Ире.

– И нечего смеяться, это ты можешь ждать принца, – к Жене вернулось желание накинуться на самодовольную особу, не спешившую войти в её положение.

– Мне 35. И цифра ничего не отнимает, – сообщила Ира собеседнице, уверенной в том, что возраст играет против женщины.

– Ты вообще уникальная. Не знала бы тебя, так подумала, что совсем юная девушка. Мне бы твою фигуру... – Женя не могла отойти от личностных выпадов.

– Любая фигура хороша, – спокойно увернулась Ира.

– Особенно моя: бока, жир везде, где не надо. Легко говорить, что все красивы, когда сама имеешь то, о чем другие мечтают. Вот я и держусь хотя бы этого мужчины, – Женя перманентно возвращалась к самобичеванию, полагая тем самым снизить ощущение боли, причиненное ей мужем.

– Женя, не расставайся с ним, и ищи другого, – посоветовала собеседница, став немного дружелюбнее.

– Это измена, – угнетенная жизнью девушка покачала головой.

– Не спи с другим, а ищи. Увидишь лучшее отношение, порвешь со своим Олегом, – уточнила Ира.

– А с кем же он будет? – глаза подруги слегка расширились.

– Какая разница? – пришла Ирина очередь удивляться.

– Ты не привыкла заботиться о мужчинах, вот и не понимаешь, о чем я. Он уже привык, что я ему готовлю, стираю ему, – Женя видела в лице сидевшей напротив неё девушки оппонента, который норовит её задеть и поэтому стремилась это сделать первой.

«Она права. Я не знаю, что такое терзаться мыслями накормлен ли любимый, постираны ли его вещи. Мои отношения не длились так долго, чтобы сильно убиваться по причине бытовых хлопот, с которыми может столкнуться мужчина»: мысленно подтвердила правоту слов подруги Ира.

– А женщина Олегу нужна для этого? – она вновь отвернула от себя нападение.

– А для чего ещё? Повзрослей уже, – Женя вычитывала собеседницу, как малое дитя, не понимающее для чего нужен тот или иной предмет быта.

– А он тебя фотографирует? – перевод темы в новое русло сбил собеседницу Иры с толку.

– В смысле? – непонимание и негодование прочно сцепились внутри пострадавшей от мужа особы.

– В буквальном. Он фотографирует тебя в новых вещах? Когда ты находишься в ванной? Или может, вы куда-нибудь пошли, и он решает запечатлеть этот момент, – Ира не унималась и продолжала ждать ответ на важный, по её мнению, вопрос.

– Ты мыслишь, как ребенок, – сил вести беседу у подруги не осталось.

– За полчаса нашего с тобой общения, ты бросила в мой адрес массу замечаний. А собрались мы здесь из-за твоего синяка на лице. Так кто из нас неправильным путем движется? – Ира подвела итог разговора.

– Я живу, как большая часть взрослых, зрелых женщин, а не девчонок, меняющих наряды, коллекционирующих фотографии на память, – обида Жени ширилась, и она переносила оную на человека, не имевшего отношения к появлению трудностей в её жизни.

– Кому фото на память, кому отметины на теле.

Ира положила на стол деньги за чай, который не попробовала на вкус и вышла на улицу.

– Девушка, вы свободны? – не пропуская её в дверях, задал вопрос прилично одетый, но обладающей наглой миной парень.

– Очень занята, – ответила она с долей доброжелательности, решив не создавать проблем с незнакомцем, явно пребывавшим не в духе.

– Родители наругают, что так поздно шляешься по барам? Ладно, прости, беги домой. Нечего так рано бегать по таким местам. Успеешь, – в поисках стоворчивой особы, он удалился вглубь ночного заведения, куда стекаются боящиеся одиночества люди. Слишком взрослые. Слишком уставшие.

Придя домой, Ира удостоверилась, что в холодильнике достаточно фруктов и рыбы, и приняла решение посвятить неделю заказам. Лето за окнами манило. Оно было не первым летом, которое не могло отправить одинокую женщину искать приключения.

Улучив полчаса свободного времени, она решила приласкать вниманием дневник с бордовой обложкой. На его страницах продолжилось общение с мужчиной, несколько раз увиденным во сне. Но довольно размытым был его образ. Черты лица были неразличимы. Разве что можно было прикинуть навскидку средний рост и оценить крепкое и гармоничное телосложение. Его одежда соответствовала прошлым столетиям. История мужского костюма не была известна Ире доподлинно, потому определить век представлялось хоть и возможным, но требовавшим тщательного поиска занятием. Одежда была меньшим, что могло заинтересовать её в образе незнакомца. В нем имелось что-то грандиозное. Вот только не находившее словесного пояснения. Она без размышлений облачила иллюзию в слегка материальные черты и продолжила игру с письмами, адресованными несуществующему человеку. В руке ожил карандаш. Листы дневника стали покрываться неровным почерком. Она не старалась преуспеть в каллиграфии. Суть. Смысл. Слова. Вот на что было обращено внимание.

«Тебе.

Я нередко задаюсь вопросом, каким ты должен быть. Что может выступить мерилom твоих качеств. Что побудит искать тебя. Порабощенные половым инстинктом жаждут встречи. С кем-то. С партнером. С тем, кто удовлетворит ряд неприятных потребностей. Не об этом речь. Личность не ищет кого-то, а следует полагающимся ей путем, подумевая, что может совпасть в направлении с тем, кто движется по тому же маршруту. Мой человек – путник, следующий путем познания: себя, мира, запределья. Того, к которому мы неизменно приближаемся и шагнем на его территорию. Но здесь можно успеть обрести спутника. Вот только каким он должен быть? Он не должен. Он просто формируется в процессе жизни. Растет над прежним достигнутым уровнем. Он развивается. Он не оборачивается. Конечная цель предопределяет вечность.

В этом процессе не важен пол. Здесь первенство отдано душе. Есть ли риск у путника? Одиночество вполне способно стать спасением от утопления с теми, кто так и не научился всплывать над пресной обыденностью иллюзорного мира, обреченного на конец.

Ты такой же одинокий, как и я».

Глава 8

Волны качали судно. В лицо бил ветер с каплями морской воды. Вдали он видел длинные волосы, струящиеся по обнаженной спине девушки. Она медленно погружалась в воду, представляя ему возможность запечатлеть в памяти изящные линии.

«Я могу сцепить пальцы на её талии»: отметил он, не заметив, что совершает движения рук в воздухе, словно кого-то пытается коснуться. Лоэн всматривался вдаль. Пара моряков застыли неподалеку: странный мужчина щедро платил и его причуды, хоть и напрягали их, но позволяли спокойно выполнять заказанные им услуги. Экзотическая красота островов обещала разнообразить ощущения Лоэна. Но он проделал огромный путь не ради созерцания дивной флоры: его интересовали черепахи панцири. Во Франции сей материал высоко ценился и в сочетании с перламутром и драгоценными металлами превращался в предмет искусства. Потребности в добыче панцирей и их сбыте ради выгоды у Лоэна не имелось, но поводом для путешествий они вполне могли послужить. Плавание на корабле было утомительным, но он жаждал смены обстановки. Кроме того, мореплавание было чревато гибелью. В том числе и у берегов Каймановых островов. Нередко у Большого Каймана разбивались судна. Лоэн знал об этом. После того, как Христофор Колумб* открыл Кайманы в 1503 году, к ним направлялись не только мореплаватели, такие как Фрэнсис Дрейк, но даже члены королевских семей.

Де Буар предпочитал не убегать от риска. Он был вынужден стать странником. Искать по свету ответы на вопросы. Обогащаться знаниями. Справочники, которые он писал, уверенно заполняли внушительных размеров комнату, выделенную под библиотеку. Его экспедиция на острова совпала с началом формирования постоянного поселения на Большом Каймане в 1730 х годах. В планах де Буара не было миссионерских задач, но кое в чем он помог обживающим остров людям. Контингент, решивший обосноваться на островах, представлял собой веселую компанию. Среди первопроходцев были пираты, утомленные морскими победами и поражениями, обычные рабы, матросы, сумевшие уцелеть во время кораблекрушения. Имелось место и для дезертиров. Лоэн прибыл на остров на военном корабле из флотилии английской королевы и серьезной угрозе не подвергался. Он и не страшился. Природный талант находить общий язык с любым представителем социума позволял Лоэну не только ликвидировать настороженность и потуги к конфликту, но и даже позволял вычленив полезную информацию из самого банального разговора. Измученные штормами и страхами пираты делились с внимательным и тактичным французом тайнами своей насыщенной жизни. Они были польщены его помощью в создании мало-мальски приемлемых условий быта. Удивленные столь человеческим отношением к тем, кто был отвергнут своей страной и даже близкими, они частенько задавали вопросы Лоэну. Богатый и чудаковатый господин не игнорировал посиделки у костра, которые частенько устраивали беглецы на острове. Он старался внимать их разговорам, но сам редко разделял беседы. Не выдержав давления интриги, в один из вечеров посевший с жутко морщинистым лицом Франк проявил интерес к француз.

– Ты не из тех, кто ищет укрытия от закона, кого ждет расплата на родине, но ты предпочел проделать такой длинный путь сюда, что я боюсь даже предположить, какой может быть причина..., – старик вглядывался в лицо загадочного человека, не похожего на тот типаж людей, что вынуждены скитаться.

– Франк, у всех из нас на самом деле одна дорога – поиск. Мы все время что-то ищем, – Лоэн смотрел вдаль, будто цепляясь за что-то ускользающее от него.

– Ты что ищешь? Ты же богат и наверняка имеешь хороший дом, где тебя ждут близкие? – Франк продолжал искать причины для путешествия малознакомого человека. Пират и сам не

понимал, чего он так норовит выведать подробности чужой жизни. Раньше за ним такого не замечалось. Но этот человек располагал к себе. Рядом с ним не возникало напряжение.

– Богат. Это неоспоримо. За поездку сюда я отвалил кучу денег, – Лоэн громко рассмеялся: – Нет никого у меня, кто будет стоять у окна и ждать, когда мелькнет мой силуэт.

– Не верю, что нельзя найти любовь, – засмеялся старик. Он на своем веку крутил романы немерено.

– Ищу. Франк, где-то найду её, – словно обещая, с легкой улыбкой произнес Лоэн.

– Что здесь хотел встретить? – тут уже стал смеяться пират: – Пошли выпьем мой запас веселящего.

Отказывать Франку Лоэн не хотел: усталость брала полагаемое ей, и на душе саднила пустота. Напившись со старым пиратом, он забыл, зачем бежал так далеко от утомившей его жизни. Лоэн не был сторонником распития алкоголя, но пару дней в неделю стал составлять компанию старому пирату, чье состояние здоровья не оставляло сомнений, что на новом месте он долго не задержится. Как и Лоэн, но ему суждено продолжать жить. И очень долго. Настолько долго, что он ещё и не представлял, что такое возможно.

Пробежало пять месяцев. Де Буар покидал острова. Франк с трудом пришел его проводить на корабль. Старик сильно сдал. Климат добил пирата. На лице Франка стали заметны известные знакомым с медициной людям симптомы приближающегося ухода. Лоэн был рад, что смог помочь столь колоритным парням превратить безлюдный остров в обжитое место. О странном французе долгое время среди поселенцев ходили слухи, рисковавшие стать легендой.

Глава 9

Маленький город имеет ряд преимуществ и в тоже время недостатков: в течении дня возникает риск встретить кого-нибудь знакомого. Даже там, где хочется побыть наедине с приятным летним днем. Лето заставляло покидать уютную квартиру и дышать воздухом не из окна, как она привыкла. Дойдя до кафе, расположенного на берегу реки, она была окликнута бывшей одноклассницей. На предложение присоединиться было некультурно отвечать отказом, и Ира присела за столик. С Леной её не связывала школьная дружба. Они были совершенно разные. Разговор быстро свелся к обсуждению семьи. Лена была замужем и имела двоих детей. Она с недоумением смотрела на бывшую одноклассницу.

– Ты не боишься, что можешь попросту не успеть родить? – в свойственной ей беспардонной манере спросила молодая женщина со слегка уставшим лицом.

– Такой вариант не исключен, но универсального сценария жизни для всех женщин не существует, – пожалала плечами Ира.

– Ты что чайлдфри? – на лице Лены появилась гримаса презрения

– Нет. Плод любви не может быть нежеланным. Но вот того, кого я полюблю и с кем я дам начало новой жизни я не встретила, – пояснила девушка с невозмутимым лицом, делая это не первый раз, из-за чего ответы казались механическими. Бесчувственными.

– Странно так говорить, когда тебе уже 35, – лицо собеседницы выдавало то, что она не смела сказать вслух.

– У каждого человека свой путь и невозможно заставить всех делать одно и тоже одновременно. Возраст на каждого человека влияет по-разному, – беседа заставляла Иру скучать. Тонем, лишенным эмоций она заставляла Лену нервничать, не смотря на попытки той вывести из себя собеседницу.

– Особенно, если не вылезать из кабинета пластического хирурга, – усмехнулась Лена.

– Я обращалась к данному специалисту, но по несколько иному вопросу, – спокойно продолжала отвечать Ира. Внутри неё немного подрагивали нервы, но она успела научиться толерантному отношению к людям, норовящим создать конфликт.

– Ты хочешь дальше врать? – немного повысила голос собеседница.

– Что тебя заставляет так думать? – Ира знала ответ на этот вопрос, но решила подразнить напористую особу.

– Твоя внешность, – лицо собеседницы сжималось настолько сильно, что Ира едва сдерживала смех. Последнее время ей нравилось отвечать наглым особам не грубо, а оставляя недосказанность, которая превращалась для оппонента в яд.

– А вот я спокойно отношусь к своей внешности и к чужой, – обвиняемая в молодости продолжала отвечать спокойно, не изменяя интонации.

Подошедшая официантка заставила Лену переключиться на неё.

– Что вы бегаете туда-сюда? – швырнув на стол смятую тканевую салфетку, прикрикнула брюнетка.

– Это моя работа, чтобы предоставить вам комфортные условия, – девушка была искренне удивлена.

– Ага, пыль бы со стола вытерли, – клиентка провела пальцем по столу и отвернулась от официантки.

Ира старалась не слушать брюзжащую особу. Телефонный звонок, поступивший на телефон Лены спас от дальнейшего общения.

– Я поехала, у меня все-таки дети дома, – женщина резко поднялась, не желая продолжать начатый ею разговор.

– Приятного дня, – также ровно ответила остававшаяся в одиночестве шатенка.

Она продолжила наслаждаться дуновениями ветерка. Он несся с реки и не утратил своего шарма: свежего, прохладного и пахнущего каплями воды. Произошедший разговор не озадачил и не расстроил: привыкла. Мало кто мог воспринимать её существование без мужчины с пониманием. Сама же Ира корила себя за то, что допустила к себе своих немногочисленных, но, к сожалению не единичных любовников. Её тело откликалось на прикосновение мужчины, а душа немного позже проявляла негодование. Она не любила ни одного из тех, с кем по совершенно банальной причине оказалась близка.

Любовь. Она знала, как проявляется это поистине великое чувство, но к мужчинам оно отсутствовало. Переступив рубеж тридцати лет, её тело лишилось потребительского отношения к чувственной сфере. Сближение с мужчиной стало казаться чем-то унижительным и пустым. Занятие, в котором нет ни смысла, ни результата. Только мерзкое послевкусие. То кратковременное удовольствие, которое давал секс, было недостаточным, чтобы затмить вкус сожаления. Этот вкус стал покидать область сердца, но для этого потребовалось много лет. Тело смирилось, что его обладательница избрала для себя безучастное отношение к плотской любви. «Когда-нибудь меня заключат в объятия руки мужчины, но только тогда, когда одобрение даст душа»: так она думала все чаще, стараясь отметать желание ответить согласием на знакомство мужчинам, частенько проявлявшим к ней интерес.

Единственно, что ставило Иру в размышлениях на распутье, так это тема рождения ребенка. С одной стороны, хотелось стать матерью и растить нового человека, вкладывая в него опыт, формируя здоровую и гармоничную личность, насколько это могли позволить имевшиеся знания. С другой стороны, превращение ребенка в единственную цель собственной жизни было бы ошибочным, ведь по достижении относительной взрослости ребенок становился самостоятельным, и мама ему становилась не нужна, что вполне естественно, ведь человек должен реализовывать свой потенциал.

Ира чувствовала, что тянуть с решением столь важного вопроса, как рождение ребенка с каждым годом чревато несбыточностью одного. Но стать матерью без участия мужчины, способного быть мужем и отцом было бы рискованным действием. Совершать его не хотелось.

Допив травяной чай, она подошла к юной девушке, обслуживающей столик и без слов положила ей в кармашек немного больше, чем полагалось оставить в знак благодарности. Когда-то и она в студенческие годы так подрабатывала. Взамен она всегда получала от слишком молодых продавцов и официанток особый взгляд: удивленный, наполненный нерастраченной на серую повседневность наивностью. Легкой. Детской. Той, которая безвозвратно улетучится по мере соприкосновения с реальностью.

Вернувшись домой, она устроилась за компьютером, на автомате заполняя в админке сайт новыми материалами. Тишина и уют окружали, создавая ту самую зону комфорта, которую психологи и любители новых впечатлений советовали покидать. Только не она. Она не желала вливаться в бурлящий поток занятых людей. Каждый был наполнен собственным багажом проблем и неотложными заданиями. Человек, нагруженный множеством дел, лишался размеренности и начинал злиться. На окружающих. На транспорт. На политику. На современный мир. Зона комфорта позволяла остаться один на один с той частью жизни, которая принадлежала конкретному человеку, а не социуму и наладить с ней личный контакт. Такой подход помогал отыскать причины испытывать удовольствие от существования.

Глава 10

Вернувшись с Каймановых островов, де Буар наслаждался комфортом одного из своих европейских домов. За несколько лет, проведенных в ограничениях, он истосковался по ласке шикарной жизни. Лоэн растянулся на шелковых простынях. Он уже больше часа лежал, устремив взгляд в потолок. За дверьми стараясь не шуметь, передвигалась прислуга. Милая женщина лет сорока пяти провела в его доме свыше семи лет и не без зависти отметила нестареющую внешность господина. Лоэн понимал, что ей замученной работой и заботами о шестерых детишках, хотелось побаловать себя хоть чем-то приятным. Он прислушивался к передвижениям Софи. Её комната располагалась не далеко от его покоев. Наконец-то он услышал возглас, сотканный из удивления и восхищения.

Открыв коробку довольно внушительных размеров, Софи замерла. Она приложила ладони к щекам. Не сдержав эмоций, она ахнула. Под крышкой, украшенной огромным бантом лежала гора шелка и кружев, оказавшаяся пышной ночной рубашкой и масса бутылочек, о содержании которых она даже не догадывалась. В самых смелых мечтах она не давала себе права на женские слабости. Софи доставала баночки и флаконы, принимаясь к их содержанию. Одни резко пахли, и женщина догадалась, что это духи, а другие в более широких емкостях содержали какую-то густую мягкую массу. Это были крема. Те самые, изготовлением которых прославился де Буар.

Софи замерла. Она коснулась роскошного платья, которое на самом деле являлось всего лишь ночной рубашкой, и на глаза навернулись слезы. Такую роскошь не поймут ни её муж, ни взрослые дети. В их семье каждая монета была на строгом счету, который вел Гастон. Супруг был человеком немногословным и со сведенными в кучку бровями. Софи забыла, когда видела Гастона улыбающимся и хоть чему-нибудь радующимся.

Выйдя из своей комнатки, хоть и маленькой, но обставленной так, словно здесь должна была жить госпожа, она отправилась к дверям Лоэна.

Присутствие за дверями растерянной Софи Лоэн почувствовал сразу. Он не хотел выслушивать скомканные слова благодарности и видеть застрявший вопрос, который она никогда бы не посмела задать господину. Ему было больно, что женщины, которых он видел на протяжении чуть меньше ста лет, страдают от нищеты, грубости мужей и жестокости общества, подавляемого высокопоставленными мужами. Де Буара знали, как бунтаря, способного в пух и прах разнести навязываемые вельможами правила. Ему прощалось многое только из-за таланта создавать целебные мази, настойки, и давать женам и любовницам знатных персон духи и крема. Сам де Буар поражался, почему его не обвинили в колдовстве в те времена, когда это было модно. Тело Лоэна вполне могли счесть наделенным нечеловеческими качествами. Он был мускулист, не нуждался в многообразном питании каждый день, был вынослив. Но самое страшное, что могло сыграть против него, так это отсутствие старения. И хоть его лицо не было обликом юноши, но и мужчина, застрявший в 44 годах, мог быть запросто заподозрен в сговоре с темными силами.

Встав с постели, он надел роскошный халат и вышел к Софи. Он просто приобнял её за плечи и пожелал приятного дня, который она может провести в его купальне и посвятить время исключительно себе.

Он отправился в сад. Софи минут десять топталась в коридоре, прежде чем набралась смелости и поступила так, как посоветовал де Буар.

Конец весны отдал бразды правления лету. Небольшой, но уютный сад, принадлежавший Лоэну, был похож на сказочный лабиринт. Каждый из входов вел к центру, где красовалась статуя девушки. Она была создана самим де Буаром. С особой тщательностью он оттачивал

каждую линию её тела, её волос и её лица. Это была она. Безымянная. Незнакомая. Желанная. И каменная. Для того, чтобы создать скульптуру собственноручно ему пришлось брать уроки у именитого мастера. Гийом Кусту* посвятил своему ученику де Буару несколько месяцев.

Софи отправилась в купальню. Она отнесла коробку, полученную в подарок, и разместила её на роскошном столике. Наносив воды, женщина заполнила ванну. Под емкостью для купания располагался оригинальный агрегат, созданный де Буаром, позволявший длительное время удерживать тепло. Вода, которой Софи заполнила емкость, нагрелась достаточно быстро. Женщина не без тени сомнений разделась и перешагнула борт ванны. Словно переступила черту между прошлой жизнью и новой, в которой ей пришлось оказаться по милости богатого господина, которого она ненавидела из-за его денег и возможности наслаждаться роскошью. Софи с горечью посмотрела на груды одежды, которую оставила на полу. Простецкая ткань, слишком грубая, что в некоторых частях тела натирала и оставляла ссадины. Мрачный цвет платья освежал белый фартук, но он быстро пачкался. Но, самое страшное – запах. Её тело не подчинялось желаниям и издавало пускай природные, но мерзкие даже для собственной обладательницы ароматы. Софи с жадностью намылила кожу мылом. О том, что существует такое средство Софи не знала, ведь в Европе мыловарение было редкостью. В доме Лоэна она открыла для себя новинки, которых не видела в других богатых домах. Она провела свыше часа в воде. Она впервые нанесла на кожу маслянистую жижу. Пахла она непередаваемо. Софи удивилась, как быстро кожа стала словно бархатной на ощупь. Коснувшийся её кожи шелк вызвал мурашки по всему телу. Такой нежности она не испытывала никогда. Завершив свой образ каплями душистой жидкости, она отправилась в свою комнату, где примерила ещё один подарок, обнаруженный в коробке. Новое скромное платье. Но его простоты было недостаточно.

Вечером Софи отправилась домой. Она собиралась порадовать супруга своим новым нарядом, приобретшей шелковистостью кожей и чистыми волосами с обворожительным запахом. Зайдя в покосившуюся от времени и отсутствия денег на ремонт избушку, она поморщила нос от вони, обосновавшейся внутри. Гастон пытался починить кровать, на которой супругам приходилось ютиться долгие 28 лет.

– Дорогой, – тихо позвала его Софи, задержавшись на пороге.

– В чем это ты? – заорал Гастон

Не дождавшись её ответа, он заорал ещё громче.

– Чем от тебя несет?

– Но, – Софи онемела.

Гастон раскраснелся. Тяжело дыша, он подошел ближе к Софи и ударил её кулаком в челюсть. Упав на пропитанный грязью пол, она пожелала больше никогда не подниматься. Гастон осуществил её желание, орудуя ногами по телу женщины, родившей ему детей и не смевавшей его ни о чем просить.

Лоэну сообщил о смерти прислуги конюх. Бенуа жил неподалеку от супругов Петиш. О том, что Гастон убил Софи, знали и соседи, и стражи порядка, но тюрьма ему не грозила, ведь на его попечении было шесть ртов.

Де Буар опустился в кресло. Обхватив голову руками, он понял, что допустил роковую ошибку, открыв нищенке дверь в мир очарования и женской неги, когда неотесанный супруг привык источать пот и роптать на жизнь.

Мерилом супружеской жизни для Лоэна был пример его родителей. Он не считал, что в отношениях отца и матери господствовали взаимная любовь и страсть, но там было уважение.

Молбер де Буар был богатым человеком. Его дом нельзя было назвать утопающим в роскоши, но обстановка создавала атмосферу изысканности. Супруга и сын не испытывали нужды не только в самом необходимом, но имели возможность осуществлять смелые мечты. У Элизабет таковых не имелось. Иногда Лоэн ловил себя на мысли, что не мог понять причину, по которой сочетались узами брака его родители. Элизабет была красива, насколько помнил Лоэн.

Её аккуратное высокомерие никого не унижало, но не позволяло даже близким относиться к ней без должного почтения. Она проводила время либо в музыкальной гостиной, наслаждаясь игрой камеристки, либо читала. Чтение для Элизабет стало спасением. Она не осуждала вслух, но явно испытывала недовольство относительно образа жизни Молбера. За годы, проведенные вместе с ним, она приняла выгодную для себя тактику поведения. Но был один аспект, волновавший эту порядочную и лишенную страстей женщину. Сын. Мать всегда боялась, что душа выношенного ею чада пойдет по пути, насыщенному соблазнами. Элизабет была воспитана в монастыре, что позволило ей получить отменное образование, а вот страхи и комплексы она взрастила в себе собственноручно. Казалось, что Элизабет боялась собственной тени. Молбер де Буар имел репутацию дерзкого отступника. Их тандем был схож на попытку пламени и воды найти общие точки соприкосновения. С каждым прожитым десятилетием Лоэну становилось сложнее анализировать союз де Буаров. А вот что намертво въелось в его память, так это мероприятия, которые проводил в особняке де Буар. Вечера на нижнем этаже были заявлены, как балы. Но обладали они совершенно иным характером. Маленький Лоэн желал поскорее узнать. Запретное. Манящее. Он чувствовал запах, растекавшийся по коридорам нижнего этажа. Туда могли заходить избранные гости. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, он осмелился нарушить запрет и спустился вниз. Изумительной красоты женщина подошла к нему. Она была высокой с каштановыми волосами. Кожа незнакомки отдавала бронзой, но не была чрезмерно темной. Глаза словно впивались вглубь него и ворошили внутренности. Бледно голубые. На очерченных скулах её лица играл отсвет огня. Канделябр в руках соблазнительницы находился на той высоте, чтобы пламя на безопасном расстоянии ласкало её обнаженное тело. Волнение, возникшее в теле юного парня, нарастало. Он прикоснулся к её коже. Сам от себя не ожидав, он увлек податливую особу в надежную тень свода одного из помещений, о назначении которого он ничего не ведал. Кем была женщина, позволившая ему ощутить вкус от близости, он так и не узнал, но на следующий день отец дал ему связку ключей. С ней Лоэну был открыт пропуск на территорию телесной чувственности, скрытой внизу дома благопристойного семейства. Через некоторое время Лоэн стал задаваться вопросами, а догадывалась ли его мать о том, что происходит, пока она укладывалась спать, беседовала с горничной и просто отдавала себя во власть бессонницы, не предоставлявшей ей и сотую долю неги, которую мог даровать Молбер?

Слишком рано Лоэн удовлетворил внутреннего демона, жаждавшего секса. Через пару лет исправных посещений нижнего этажа дома, он решил переключить внимание на обучение. Такой перемене обрадовался отец: он не желал сыну доли повесы. Интересы де Буара младшего перемещались от одной дисциплины к другой, но ни одну из них он не забрасывал. Эрудиция парня поражала даже его требовательного и не склонного к восхищениям отца. Родитель обеспечил сына лучшими учителями. Он стал вкладывать капитал не в тайные балы, а в единственного чада. Лоэн оттянул на себя все внимание Молбера. Элизабет, лишенная внимания близких, стала уязвима. Её организм поддался неизученной на тот период болезни. Спустя века от менингита продолжают умирать люди, невзирая на продвинутые методы обследования и множество медицинских препаратов. После ухода супруги Молбер превратился в отшельника. Дом из скрытой обители порока стал храмом одиночества. Молбер холил свою тоску. Он карал себя за недосказанность слов любви, за неоцененную жизнь женщины, так тихо находившуюся рядом с ним и не смевавшую его потревожить.

Лоэн ощутил момент, когда ему стоило покинуть отца и позволить тому вдоволь себя истязать. Молодой де Буар и сам чувствовал себя виноватым в смерти матери. Он с таким упоением увлекся романами с красотками и поглощением книжных знаний, что не вспоминал о матери.

В знак памяти о ней он дал себе обещание никогда не ранить женщин, встречавшихся на его жизненном пути. Кем бы они ни были: простая служанка или знатная дама, проходящая на улице или любовница. Женщина в глазах Лоэна приобрела хрустальную хрупкость. При виде

темных волос и изящной фигуры он замирал. Элизабет впечатала в сердце сына свой облик. Она никогда ничего не требовала. Даже учиненный ею скандал не был таковым по сути, а являлся всего лишь криком души. Той, которой не хватало любви. Которой не удалось отыскать собственный путь. Маленький портрет, написанный местным художником Лоэн забрал с собой. Он так много не додал и не досказал матери. С её лицом, отображенном красками, он будет общаться намного чаще.

Молодость Лоэна после его ухода из дома проходила в огромных, отданных во власть книг читальнях и, не менее огромных в сравнении с человеком, лекционных. Он был, словно одержим жадной познаний. Изучив досконально одну из дисциплин, он отрабатывал на практике полученные знания, пропитываясь интересом к новой области деятельности. Юношеская увлеченность алхимией де Буара в тесном тандеме со страстью к красоте позволили ему проявить себя в ремесле, которое будет развиваться с каждым веком. Он был одним из первых, кто решил дать бой времени, создавая средства, призванные отеснить возрастные изменения от лиц и тел красавиц. О лавке «Элизия», открытой в Марселе в 1708 году знали за пределами Прованса. Парижские дамы присылали с длинным списком своих слуг. Зависимость дам от ароматов и кремов несколько не поражала де Буара. Создавая средства, которым вменялась функция отсрочить старение, он замечал иронию: чтобы устранить следы возраста требовалось время. То, самое, с которым средства боролись. От времени не уйти. Этот парадокс и заставлял горько улыбаться от тщетности человеческих усилий спасти не предназначенное для сохранности. Наладив производство продукции, он отыскивал надежных людей для ведения дел. Деньги исправно накапливались. Нажив солидный капитал, он был вынужден задуматься о его сохранности. С середины XVII века во Франции вошел в оборот серебряный экю. Ситуация в финансовом русле страны показала де Буару свою шаткость на примере франка. Научившись прогнозировать события, Лоэн не ошибся, полагая, что через несколько десятилетий экю ждет крутое пике. К 1775 году в стране наметился дефицит бюджета. Политическая и экономическая сферы насыщались предпосылками к Великой французской революции. Спасти свой капитал де Буару удалось благодаря знакомству с послом Российской империи во Франции в 1760 году. Ситуация с российским Дворянским банком в 1774 году складывалась на руку Лоэну. Финансовое учреждение испытывало дефицит от притока вкладов. Руководство было вынуждено дать добро на размещение частных вкладов, в том числе и от иностранных вкладчиков. Между Россией и Францией с 1755 года были восстановлены дипломатические отношения, что также благоволило французскому придворному воспользоваться услугами банковской системы. Протекция Дмитрия Михайловича Голицына* сыграла значимую роль. Деньги де Буара были на некоторое время укрыты в надежном банке. Потребность быть в курсе дел за пределами родной страны заставила Лоэна погрузиться в изучение русского языка. Поездки в Россию не были частыми, но ему приходилось вникать в суть финансового вопроса и вести переписку с Голицыным, хотя тот отлично знал французский язык, но де Буару хотелось сделать приятное своему другу, общаясь с ним на его языке. Общение не ограничивалось обменом писем. Дмитрий Михайлович частенько бывал во Франции. Русский дипломат увлекался творчеством и наукой, отчего тяготел к общению с художниками и учеными. Но, и о делах финансовых не забывал. Посему приходилось Голицину уделять внимание и экономистам, собиравшимся в клубах и обсуждавших тенденции экономического мира. Скопивший капитал де Буар вращался в тех же кругах, дабы быть в курсе дел в финансовой системе. Во время очередного пребывания в мужском клубе разговор между Голицыным и де Буаром от темы денег перешел в более масштабное поле размышлений.

Сидевший в удобном кресле русский сетовал, что философии уделяют незначительное внимание.

– Господин де Буар, полагаю, что вы разделяете мою мысль, что философия позволяет человеку очищаться от собственных пороков и тлетворного влияния времени? – русский посол

трепетно относился к социальным проблемам и не мог остаться равнодушным к тому, что происходило в обществе.

– Что есть философия, мой уважаемый друг? Это глубокомысленные и систематические размышления индивидуума с последующими выводами. Из сего можно предположить, что человек, тщательно анализирующий себя в частности и окружение в общем, не может не отметить наличествующие в нем пороки. И да, таким образом, философия позволяет задумываться о своей личности и менять в себе те качества, которые далеки от правильных, – согласился Лоэн с человеком, питавшим глубокое уважение к философии.

– Постоянное движение мысли позволяет менять качества внутри себя, как в природе меняется порядок вещей, – продолжил мысль Дмитрий.

– Существует же какое-то постоянство. Константа? – заметил Лоэн, проникаясь сутью собственного вопроса.

– Я полагаю, что природные элементы неустанно создают новые комбинации, сочетаясь друг с другом, и тем самым природа лишается первичного покоя, – поправил его Голицын.

– Мне кажется, имеется некий базис, основа всего, – не согласился с собеседником Лоэн.

– Совершенно верно: божественная мудрость создала первичный порядок, и он дополняется комбинациями элементов, о которых я говорил, – уточнил Голицын.

– Во всем должен быть порядок, иначе начнется хаос, – с улыбкой отметил Лоэн.

– Безусловно. К примеру, правящая элита, нарушая социальный порядок, лишая человека свободы и делая его тем самым рабом, приводит человека к деградации, – Голицын умело проводил параллели между совершенно разными явлениями, находя аллегорическое сходство.

– Не принадлежащий себе человек утрачивает собственную значимость и как следствие, не развивается, не стремится насыщать себя знаниями, улучшаться нравственно. Общество пока не учло данный аспект и, по всей видимости, кому-то очень выгодно создавать такое количество людей, лишенных права обладать личностью, – Лоэн не одобрял эксплуатацию богатым классом людей, рожденных в низших сословиях.

– Угнетение людей, вынужденных служить, схоже с актом надругательства над человеческой природой. Никто не должен быть рабом, – повторил свою мысль Голицын. Он тяжело переживал тот факт, что на его родине крепостное право все ещё имело место.

– Рано или поздно цивилизация достигнет того уровня развития, когда каждый человек обретет свободу и установится некое равенство, – предположил Лоэн.

– Правящие классы есть и могут быть и в будущем, – Голицын не верил, что можно целиком устранить деление общества на классы: – к сожалению, я отошел от темы химического устройства вещей в природе, а ведь вам именно эту тему хотелось со мной обсудить, господин де Буар?

– О да, Дмитрий Михайлович, и для этого я приглашаю вас посетить мою личную лабораторию, – улыбнулся Лоэн. Он знал, что Голицын увлекался химией и мог ему подбросить ценные идеи относительно его наблюдений за цитологическим строением крови, неизменно связанным с химическими процессами. Договорившись о встрече, достойные члены общества попрощались. Лоэн вернулся в свой тихий дом и устроился за письменным столом, чтобы записать на бумаге идеи, возникшие в ходе беседы с русским послом.

Глава 11

Очередное возвращение в милые для сердца бессмертного края в начале XIX века преподнесло неожиданный подарок. Валахия, расположенная рядом с Венгрией, представлялась для Лоэна чем-то родным, хоть родился он в Провансе. Он решил отпустить экипаж и пройти пешком. Хотелось вспомнить пейзажи, которые видел последний раз в 1750 году. Ему не суждено было задержаться в стране, манившей его на протяжении десятилетий.

Бредя по пыльной дороге под палящим солнцем над Валахией, он восстанавливал перед внутренним взором остатки видения. Миниатюрная юная девушка была одета в одежду, названия которой он не знал. Это было странно, ведь жил он уж точно немало и моду изучил мимоходом. Но привлекло его в ней не одеяние, а блеск голубых глаз и манящие линии стройного тела. Фигуры его современниц были скрыты под грузом ткани. И снова он поразился перемене в своем ощущении. За слишком долгие годы на земле он успел остыть к женским прелестям и интрижки больше не находили в нем прежнего запала. Старел ли он? В этом не было сомнений, но не внешне. И это обстоятельство заставляло его покидать дом на минимум тридцать лет, чтобы снова вернуться. По свету у него имелось несколько домов. Волокита с завещаниями на подставных лиц заставляла Лоэна нервничать. Нередко ему хотелось продать все свое имущество, но тому, кто не мог умереть, стоило позаботиться о средствах к существованию и о крыше над головой. В его случае о нескольких. Усталость от одинокого перемещения по его угрюмым домам давила непередаваемым образом. Сколько ещё ему вот так носиться по жизни и не находить ответа ни на один вопрос?

Ускорив изо всех сил шаг, Лоэн мчался к дороге, по которой катилась карета. Малышка преспокойно игралась в травке на краю обочины. Руки мужчины выхватили девочку едва ли не из-под колес. Она не плакала. Она просто оторопела.

«Цела. Жива»: отметил про себя Лоэн.

– Где ты живешь, милая? Где твоя мама? – тихим голосом, чтобы снять стресс у ребенка, спросил он.

– У меня нет дома.

Малышка опустила голову, разглядывая травинки. На вид девочке было лет пять. Рыжие локоны трепетали на ветру. «Как, наверное, и её сердечко»: подумал он. Нищенское платьице указывало на то, что искать её никто не будет. Временный конец одиночеству. Лоэн знал, какое бессмертие имеют обычные люди – дети. Воспитанный человеком ребенок может стать носителем его идей, нравов, взглядов, тем самым продолжив развитие чужой личности, но давшей ростки. И эта маленькая девочка станет продолжательницей его наработок. Если захочет, когда станет взрослой. А он сделает все, чтобы накопленные им знания были ей по душе.

Остаться в городе, где он нашел девочку, де Буар счел небезопасным. Он решил отправиться в Прагу, где мог представить её своей племянницей и заняться обучением красивой девочки.

В Старом Городе, который в 1784 году был объединен с Малой Страной, Градчанами и Новым городом Йозефом II* у де Буара имелся дом. Он представлял собой двухэтажное каменное строение серого цвета. Лоэна встретил слуга, уже несколько лет заботившийся о доме. Девочка, которую держал за руку господин, была молчалива. Дорога и незнакомец, забравший её с дороги, оказали свое влияние. Впечатления навалились на ребенка, и малышка не успевала на них реагировать.

– Господин распорядится показать маленькой мадемуазель её комнату? – спросил дворецкий, не отрывая глаз от рыжеволосой малышки.

– Да, Бенджи. Проведи девочку в сиреневую комнату, – улыбнувшись, сказал де Буар.

– У меня будет комната? – Изабель подняла свои зеленые глаза на Лоэна.

– Конечно, родная, – Лоэн передал крошечную ручку девочки Бенджи.

Угловая комната, обклеенная шелками сиреневого цвета, снабженная огромным зеркалом и широченной кроватью с балдахином произвела на Изабель впечатление. Малышка бегала по своим владениям и хлопала в ладоши. Такой реакции Лоэн обрадовался. Он опасался, что причинил стресс девочке, которую вознамерился спасти от гибели на дороге и участи сироты. Изабель не переставала удивлять Лоэна. Будучи ещё маленьким ребенком, она не требовала к себе повышенного внимания: спала в одиночестве, не прося гувернантку побыть с ней рядом, кушала без капризов и без сопротивления отправлялась на урок, который объявлял либо сам де Буар, либо приглашенный учитель. Девочка устраивалась за огромным столом, расположенным перед одним из окон в обтянутом шелковым кресле. Сидя на нем девочке предстояло провести ближайшие десять лет, обучаясь письму, чтению, математике и химии. Лоэн каждый день кроме воскресенья занимался со своей подопечной. Изабель могла уснуть, облокотившись на стол. Она уставала от занятий, но никогда не требовала их прекратить. Лоэн старался дозировать количество уроков, чтобы не утомлять дитя. В перерывах между занятиями девочка бродила среди деревьев в саду. Когда к слугам могли прийти их дети, Изабель с огромным удовольствием играла с ними. Лоэн отменял занятия, чтобы воспитанница могла утолить потребности детства. Он отметил, что его названной племяннице больше нравилось живое общение, чем рисование и игра с куклами. Эта черта вызвала одобрение у Лоэна, так как позволила бы девушке не растеряться во взрослой жизни. Он не собирался держать Изабель в стенах дома, подыскивая ей жениха, но и игнорировать требования высокого общества, не решался. Он надеялся, что девочка, став старше, проникнется жаждой обучения и встретит юношу из приличной семьи в стенах университета.

На пятнадцатилетие, условное, ведь де Буар не знал точной даты рождения девочки, а только мог предположить год рождения и, это по его подсчетам был 1822, она получила от него возможность отправиться в Париж. Сопровождала её гувернантка. Вернулась Изабель уставшая, довольная и удивленная. Она поспешила поделиться с дядей впечатлениями и задать ему созревшие вопросы.

– Дядя, почему ты редко позволял мне покидать дом? – заявила Изабель, искренне удивляясь тому, что долгие годы находилась под тяжестью наук, которым обучали её дядя и нанимаемые им учителя.

– Иза, в ближайшее время ты получишь возможность начать собственную взрослую жизнь. Ты поступишь в университет, как мечтала. Ты сможешь проводить опыты и публиковать результаты. Ты встретишь парня, который полюбит тебя взаимной, и, надеюсь, искренней любовью к тебе, а не к наследству, которое тебе полагается. Будут у тебя семья и дети. Но больше у тебя не будет того маленького мирка, где ты могла часами простоять у углового окна, созерцая, как катятся по стеклу капли от бушующего ливня. Ты могла вдоволь выспаться и приступить к занятиям, когда ты была готова. Ты могла читать, когда ты хотела и что ты хотела. Став взрослой, ты лишилась своего исключительного права на время, которое отмеряно тебе провести на земле. Отныне, кто угодно будет претендовать на него. Окружающие. Муж. Дети. Тебе самой решать, сколько своего времени отдать другим людям и сколько оставить себе.

Де Буар отвернулся от Изабель. Он с ужасом представлял тот период, когда она пускай и окруженная прислугой, потому как на его деньги она сможет себе её нанять, устанет от ноющего супруга, которому будет не хватать внимания или же он будет жаловаться на какие-то бытовые мелочи, и будут капризничать дети, а она же будет мечтать только о тишине. О той, которая была в доме де Буара. Он сделал все, чтобы его Изабель могла унести мысленно в комфортное место, где можно было спрятаться от реальности, изобилующей шумами.

– А разве женщина не может быть счастлива в окружении мужа и детей? – Иза удивилась.

– Может. Более того, должна. Иза, ты можешь встретить того, о ком мечтаешь и видеть в супруге того человека, которого хотела, но каким он будет от тебя не зависит. Я тебе советую всегда иметь место, куда ты сможешь уйти от слишком навязчивых проблем. Борись за право на собственную жизнь, – напутствовал де Буар. Он понимал, что не сможет быть рядом с девочкой, ставшей для него родной дочерью.

Спустя пару лет Лоэн отправился со своей названной племянницей во Францию, в одну из провинций, где располагался университет, не обладающий громкой славой, как Сорбонна. Девушкам надлежало обучаться нехитрым дисциплинам и чаще всего монастырского образования считалось достаточным. Научные дисциплины для девушек были запрещенной темой. Лоэн был готов уплатить внушительную сумму, чтобы декан позволил его Изабель пройти проверку её знаний и включить девушку в число студентов. Несмотря на то, что на дворе был 1839 год, но отношение к нежным созданиям, пытавшимся блеснуть умом, все ещё оставалось средневековым.

Появление миловидной Изабель в университете считали вопиющим нарушением правил и традиций. Хлопотавший за неё дядя с впечатляющим капиталом не внимал никаким доводам.

Почтенный декан долго изучал стоявшего перед ним человека средних лет с очень мудрым взглядом. Наконец пауза была прервана.

– Господин Лоэн, при всем уважении к представителям знатных семейств, к которым вы наверняка имеете отношение, я не могу ответить согласием на зачисление вашей протеже в число наших студентов. Она девушка, – утяжеленный годами человек скорчил мину на лице, словно ему предложили отведать невкусное блюдо.

– Господин профессор, так сложилось, что мне доводилось изучать анатомию. Могу вас уверить, что строение мозга женщин ничем не отличается от мозга мужчин. Разве что вес и размеры, что вряд ли придает мальчикам особые преимущества перед моей племянницей, – сообщил декану Лоэн, зная, что произведет негативное впечатление на человека, верного страху перед наукой.

– Позвольте мне оставаться в неведении о ваших методах изучения мира и человека. Я чту наставления святых отцов и не допущу святотатства, – встрепенулся декан.

– Конечно, господин Анкель, я не так осведомлен, как вы о непорочности речей и деяний, но в следующий раз, когда навешу духовника, поинтересуюсь о многочисленных нищенках у задних дверей вашего дома, – в ход Лоэн пустил тяжелую артиллерию.

Лоэн предполагал, что у большинства людей есть тайная сфера жизни, эдакая *terra incognita*, куда мало, кому дозволено ступить, чтобы не выскользнула страшная тайна. Собрать порочащую информацию на Анкеля было трудно. Лоэна злило, когда люди прикрывались благочестием религиозности, совершая тем временем грязные поступки.

– Изабель зачислена. Я лично побеспокоюсь её комфортом в стенах университета. К счастью, наше заведение не имеет громкой славы, и светская публика не станет подымать нас на смех, – стараясь не утратить своего лица, заключил Анкель.

– Уверен, что моя девочка принесет немало пользы в коллекцию открытий.

Лоэн откланялся. Он покидал мрачное здание с тяжелым сердцем: неимоверный жизненный опыт подсказывал, что безумно красивая Иза совертится каким-нибудь молодым джентльменом и в лучшем случае станет его супругой. О приданном, какое ей будет выдано приемным отцом могли только мечтать выходцы из самых знатных семей, что обеспечило бы возню вокруг неё.

Его грусть прервала рыжеволосая девушка. Она бросилась на шею к Лоэну с радостным возгласом.

– Я знала, что настанет конец ограниченности взглядов, и они увидят в женщине достойного собеседника, – Изабель висела на шее у дяди и смеялась.

– Да, моя милая, но помни, что красота и женственность лишь малая часть того, что получила твоя душа, придя сюда. Учись. Делай выводы. Не спеши. Я вынужден тебя покинуть, но наш счетовод выдаст тебе все документы на дом и жалованье, – Лоэн поцеловал в лоб Изабель и легко расцепил её руки.

– Почему? – в её глазах, которые минуту назад светились радостным блеском, сияли слезы.

– Время. Ты поймешь милая, позже, почему я должен менять места проживания, – Лоэн испытывал боль от того, что ранил своего неродного и самого дорогого ребенка.

– Ты думаешь, что я такая наивная, что не смогу вникнуть в причины твоего решения? – Изабель силилась понять, что происходит.

– Нет. Слишком юная. Слишком. Настолько, что я не могу даже сравнить, что твои годы значат против моих, – с горечью констатировал мужчина в одеянии серого цвета, слегка сгорбившийся будто бы на его плечи навалилась тяжесть. От недосказанности. От бессилия.

– Ну, ты же никогда не хотел мне рассказывать о своем прошлом, – Изабель сдерживала эмоции, но это у неё получалось неидеально.

– Изабель, обещаю тебе оставить след в истории, чтобы я мог за тебя порадоваться, – попросил Лоэн девушку, глаза которой выражали полнейшее непонимание того, что происходит.

– я умру раньше? – испугалась Изабель.

– Милая, береги себя и пускай твои волосы станут слишком белыми, прежде чем ты покинешь бренный мир, – пожелал Лоэн племяннице: – Ты не умрешь рано. Ты нужна науке.

Он ускорил шаг, удаляясь от застывшей девочки. И снова она на дороге. Одна. Но на этот раз она должна сама вытащить себя из-под колес, надвигающейся на неё судьбы. В которой его уже не будет.

Глава 12

Аудитория наполнилась шепотом. На фоне учащихся выделялась рыжеволосая девушка с точеными чертами лица. Кое-кто был готов отпустить в адрес девушки колкости, считая её недостойным сокурсником, но сдерживали правила приличия, а кто-то не видел ничего предосудительного в общении с девушкой, но о дружбе речь не шла. Она и сама не тяготела к общению. Изабель помнила, что посоветовал де Буар: «Не спеши сближаться с теми, кто стремится много о тебе узнать. С одной стороны, внимание к твоей персоне – это хороший знак, но может служить и поводом для настороженности».

Лекции Изабель исправно посещала, стараясь не проявлять чрезмерной активности в беседах с учителями. Она снова придерживалась правила Буара: «Не спеши с высказыванием своего мнения, ведь оно может быть ошибочно. Сначала накопи достаточное количество знаний и тогда уже на равных общайся со своими собеседниками».

Каждый учебный день проходил для Изабель в полнейшем игнорировании её персоны со стороны студентов и учителей. Девушке было обидно, ведь она всего лишь стремилась учиться. На опытах ситуация стала меняться. Успех девушки был кричащим. Учителя по настоянию ректора не хвалили её. Изоляция Изабель стала рушиться, когда она первая справилась с реакцией по окислению металлов. В основу опыта была положена теория горения А. Лавуазье*, сформулированная в конце XVIII века. Изабель решила шагнуть дальше и попыталась выдвинуть теорию о восстановлении металла без кислорода, который в соединении с оным давал окисление, но студентку оборвали на полуслове. Спустя десятилетия в XIX веке учеными была рассмотрена теория о взаимосвязи процессов окисления и восстановления.

Изабель не прекращала бороться за право на обучение научным дисциплинам. Во время проведения опытов в стенах университета, в котором она была нежеланным элементом, девушка старательно записывала весь ход проделанных ею действий. Наконец-то одним из результатов заинтересовался ректор. В газете была опубликована маленькая статья под именем Изабель. Воодушевленная собственными успехами, юная и одинокая Изабель поняла на кого сможет опираться. Она с усердием пуще прежнего стала постигать науку, чтобы отблагодарить той за наполненность смыслом своей жизни.

Одно из написанных в дни грусти письмо она все-таки отправила дяде. Изабель знала, какой ответ получит, но с жадностью раскрыла конверт.

«Милая моя девочка, тебе сейчас одиноко. Мне одиноко значительно дольше твоего. Учись быть наедине с самой собой и черпать в этом положении требуемый тебе комфорт. Ты можешь сама себе дать совет. Все ответы скрыты в нас. Почти все. Ищи внутри себя причину, чтобы жить и действовать. Я не смогу быть рядом с тобой. Я готовил тебя к нашей разлуке. Ты можешь мне писать. Но я знаю, что в скором времени бросишь это утомительное по эмоциональному грузу занятие. Изабель, взрослая жизнь требует самостоятельности, и ты ею обладаешь. Всегда обладала. Просто я решил дать тебе передышку в борьбе за место под солнцем. И всегда помогу тебе. Но пока ты в силах, рассчитывай на себя.

Искренне тебя люблю и потому даю свободу».

Лист бумаги, на котором были написаны жесткие слова, выпал из рук девушки, прислонившейся к оконному стеклу. Слезы на лице и капли дождя на стекле в унисон проделывали свой путь, оставляя позади кратковременный след.

Глава 13

Беседы с Мартином Бейеринком* натолкнули де Буара в 1890 году на собственные исследования антигена, присутствующего в его крови. После той встречи прошло почти десять лет. Основные тезисы научных размышлений Лоэн внес в дневник наблюдений.

Лоэн пристально разглядывал клетки крови под микроскопом. Те, что его интересовали наиболее, все ещё присутствовали в исследуемом материале. Решив убедиться, захватил ли чужеродный микроорганизм его тело целиком, Лоэн проверил биологические жидкости своего организма и не обнаружил искомый агент.

«Значит, непрощенная зараза обосновалась в крови»: подытожил он результат анализа.

Он зарисовал преобладающие клетки в крови. Динамика наблюдений наталкивала на определенные выводы. Количество клеток, которые он считал ответственными за бессмертие, в фиксированном объеме крови оставались постоянными. Поведение микроорганизма не было агрессивным, скорее он смог стать частью организма и не вызывал бурного сопротивления со стороны тела, в которое внедрился. Лоэн скрупулезно записывал выводы, следуемые из наблюдений за вирусом.

«Определенно это был вирус, который я мог легко подхватить в своих блужданиях по миру»: Лоэн продолжал разглядывать под микроскопом каплю собственной крови. Теперь он уже не волновался о причинах бессмертия. Взгляд выхватил газету. Дворецкий всегда клал газеты с важными новостями на стол перед обедом без предупреждения. Де Буар почувствовал, что случилась беда.

Некролог был посвящен женщине, оставленной Лоэном возле здания университета во французской провинции. «Изабель де Стаенбар 1822–1899 гг. Благопристойная леди, издававшая скандальные статьи научного толка умерла в Марселе. Провести её в последний путь пришли несколько коллег и юный парень. Скорбящие джентльмены принесли огромное количество белых цветов».

«Прости, что заставил делать самостоятельные шаги»: мысленно Лоэн попросил прощения у девочки, ставшей ему дочерью.

Он был рад, что её жизнь не оборвалась в юности. Он гордился её громкими дискуссиями в научных кругах. Женщина, ловко управляющаяся с химическими реакциями, попадала на газетные полосы. Скоротечность чужого времени заставляла Лоэна сожалеть о своем бессмертии. «Как же мне хотелось состариться рядом с кем-то, у кого вся жизнь впереди»: мечтал бессмертный, понимая, что обречен на одиночество. Он даже не мог позволить себе такую роскошь, как любовь. Но в данном аспекте важную причину играло не только персональное бессмертие, но и утраченная способность влюбляться.

В его жизни были три женщины: образ матери, не поблекший окончательно спустя столько лет, воспитанная им Изабель и неизвестная девушка, скорее всего придуманная под воздействием усталости души и обосновавшаяся в плоскости видений. Он поймал себя на мысли, что в этом узком кругу вписавшихся в его сердце дам не было ни одной из тех, в кого, как ему казалось, он влюблялся. Романов было много. Слишком много. Они смешали лица и тела. Он не различил бы ни одной из тех, кого обнимал, целовал. Среди них не было той, что забрала бы его сердце и дала отдохнуть, утомленному от вечности.

– Да за что? – заорал он так, что дворецкий прижался к стене в холле.

«Бедный, такая потеря»: подумал статный, хоть и пожилой человек, не привыкший задавать вопросов.

За что ему дана вечность? Для чего ему кого-то пускать в свою жизнь и узнавать две даты, сжавших длинную судьбу? Через год он вошел в новое столетие. На душе у Лоэна была

грусть. Жизнь стремительно менялась. Научный мир изобиловал открытиями, и мода бежала вперед, меняя внешний вид человечества. Перемены, происходившие с цивилизацией, придавали де Буару азарта. Он живо интересовался новыми разработками и старался одним из первых знакомиться с научными трудами. Начало XX века встречало Лоэна полезными для него открытиями. В 1912 году был изобретен ультрафиолетовый микроскоп. В 1919 году в области иммунологии были совершены открытия Жюля Борде*. Цитологические исследования, проводимые де Буаром, дополнились множеством полезных выводов. Такого длительного наблюдения за клетками одного организма и их контакта с вирусом никому не удавалось произвести. Накопленные тома исследований за поведением вируса и его влиянием на клеточные процессы рисковали взорвать научные круги. Де Буару оставалось тщательно их оберегать: он не просто носил в себе источник бессмертия, а и составил инструкцию по управлению данным состоянием.

Глава 14

– Ира, ты слишком много думаешь о смерти, – констатировала мама: – Ну что за мысли? Я не хочу об этом говорить, не забывай, все-таки с возрастом люди уже иначе воспринимают данные темы.

Женщина, умевшая радоваться прожитым годам, боялась задумываться о том, что было абсолютной неизбежностью. Лариса любила жизнь, несмотря на выпавшие на её долю трудности. Даже тяжелая травма не заставила отвернуться от маленьких радостей бытия, повышавших тонус в теле и заставлявших двигаться в новый день.

– Мама, это важная тема и интересная. Никто наверняка не знает, что там: будет продолжение или просто темнота и все. Так страшно, что умные, талантливые и простые люди мелькнут здесь и потом уйдут. В никуда или есть рай и ад? – казалось, что Иру совершенно не трогает переживание собеседницы. Она тонула в теме, считавшейся одной из важнейших, ведь, по сути, жизнь неумолимо двигалась навстречу смерти.

– Я думаю, что после смерти есть жизнь. Возможно, тот мир похож на этот. В любом случае, изменить ничего здесь мы не можем. Если и будет жизнь после, то мы это узнаем. А тебе следует подумать, над идеей обзавестись мужем и ребенком. Философией будешь попутно озадачиваться. И о смерти меньше думай. Жизнь здесь прекрасна, – Лариса переживала, что увлеченность философскими идеями дочери не позволит ей познакомиться с внучкой или внуком.

– Хорошо, мамочка. Не волнуйся за меня, – Ира поняла, что дальнейшие попытки продолжить делиться с мамой грустными соображениями омрачат настроение.

Телефонный разговор был завершен. Ира задумалась, а ведь действительно кроме как об одиночестве и о смерти её мысли редко крутились возле других не менее важных аспектов человеческой жизни.

Посидев пару часов за компьютером, она побрела на кухню. Снова за чашкой кофе.

«Нет. На этот раз поем овсянку, проваренную с бананом. Нужно иногда и кушать»: она усмехнулась. Работа поглощала большую часть времени. Ира научилась снижать градус важности денег, но от заказчиков не отказывалась.

Снова зазвонил телефон. Заботливая мама вспомнила, что не посоветовала дочери отправиться на прогулку.

– Нет, мама не хочу сегодня выходить. Воздухом подышу из окна, ты ж знаешь, особенно по ночам и на рассвете он такой насыщенный чистотой.

Послушав пару минут советы мамы о необходимости жить полной жизнью, она снова бросила «да, конечно» и отключилась. Разговоры об устройстве личной жизни напрягали. Отчего-то ей хотелось родить ребенка, но не возникало стремления становиться женой. Ей так хотелось сорвать с мира занавес, скрывающий от неё настоящие знания об устройстве видимого и скрытого от человеческого глаза пространства. Рассуждения на тему философии собеседники воспринимали со скукой и безразличием. Ира смирилась, что не встретит мужчину, обладающего схожими интересами.

Лариса воспринимала тягу дочери к философствованию со страхом: в шестьдесят лет ей хотелось нянчить внучку или внука. Дочь, разуверившаяся в любви, создавала серьезный повод для беспокойства. Знакомые Ларисы нередко высказывали опасения, что засидевшаяся дома девушка может не успеть стать женой. Матерью. Ира вела себя так, словно вышла из временного поля. Лариса мечтала, чтобы дочь стала счастливой. Но вот сама или в паре? Этот вопрос давил на женщину. Дочь слишком погрузилась в зону комфорта, и выходить за её пределы особо не желала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.